

3. NEMZETKÖZI KORAI MAGYAR TÖRTÉNETI RÉGÉSZETI KONFERENCIA
III-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАДЬЯРСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО АРХЕОЛОГИИ

Budapest, 2016. június 7–8.
Будапешт, 7–8 июня 2016 г.

TÜRK ATTILA

A magyar őstörténet kutatásának aktuális elméleti és gyakorlati kérdései

АТТИЛА ТЮРК

Актуальные вопросы теории и практики исследования происхождения угро-мадьяров

Исторические представления о праистории венгров и периоде «обретения родины» являются неотъемлемой частью современной венгерской идентичности. Именно поэтому основная задача венгерской исторической науки состоит в проведении историко-археологических исследований и непрерывной публикации новейших результатов этих исследований. История предков венгров – это область исследований, очень слабо освещенная письменными источниками. Тем не менее, археология, как непрерывно развивающаяся в настоящее время область науки, обладающая стремительно пополняющейся базой данных, в этом исследовании играет важнейшую роль. Однако, в ходе непосредственной исторической интерпретации археологических находок и установления связей между находками сегодня необходимо предъявлять более строгие методологические требования. Особенно верно это в процессе этнической идентификации находок. Основной вопрос состоит в том, *какие именно* археологические материалы, происходящие с территории, ранее отождествленной с древней т.н. западносибирской прародиной – огромного пространства, простирающегося от Урала до Карпатской котловины – можно связать с миграцией угров-мадьяр в раннем средневековье. Другими словами: можно ли в свете новых археологических находок с уверенностью показать, где находилась ранее реконструированная прародина и уже упомянутые в письменных источниках места проживания.

Основной трудностью в ходе исследований является непрерывный мониторинг всех археологических материалов раннего средневековья, охватывающих огромную территорию от Урала до Карпат, их отбор и интерпретация. На основании лингвистических исследований, природно-географической реконструкции, археологических материалов и этнографического анализа различных этнических групп, обитавших на данной территории, ранние исследования местом возникновения венгерского этноса обозначили территорию Западной Сибири, которая в историографии известна как прародина венгров. Прежде чем занять Карпатскую котловину, наши предки, кочуя в направлении бывшей Паннонии, периодически оседали на различных территориях, оставаясь там в течение различного времени, контактируя с различными этническими группами. Исследования велись вокруг трех основных областей проживания древних венгров: Великая Венгрия (Magna Hungaria), Леведия и междуречье Этелькёз; все эти места находились на территории бывшего Советского Союза. С распадом Советского Союза и практически полным исчезновением научных связей в период между 1990 и 2005 годами археологические исследования венгерской древней истории, проводимые в Восточной Европе (и в Венгрии также), стали в значительной мере маргинальными. Несколько, обладающих высоким профессионализмом российских, украинских и молдавских археологов,

владеющих представлениями о характере археологического материала эпохи «обретения родины», конечно же, распознали возможную связь отдельных находок с древними венграми, и упоминали об этом в своих статьях. Однако для идентификации древних мест обитания необходимо было бы наличие полной, хорошо укомплектованной базы данных упомянутых регионов (региона) – с оценкой местных связей и контекста археологических находок, базы, основанной на устойчивых хронологических принципах. И всё это мы должны постоянно переосмысливать в свете новых находок эпохи «обретения родины», а также новых восточных находок.

Мы надеемся, что новые археологические находки, обнаруженные за последние несколько лет и имеющие важное значение для исследований по формированию материала об археологических находках эпохи «обретения родины» венграми, а также восточно-европейские находки раннего средневековья придадут импульс археологическому исследованию древней истории венгров. Необходимым является выявление экспонатов (и фиксация их данных) музеев Восточной Европы, которые, к сожалению, большей частью подвержены постепенной гибели, но для исследования данной темы имеют жизненно важное значение.

ИВАН В. ГРУДОЧКО

Курганы с «усами» урало-казахстанских степей (типология и хронология)

IVAN V. GRUDOSKO

Az urál-kazahasztáni sztyeppék ún. „bajszos kurgánjai” (tipológia és időrend)

В статье и докладе обсуждается типология и хронология курганов с «усами» урало-казахстанских степей. Разнообразие архитектурных форм показывает, что данные памятники часто строились вблизи объектов более ранних эпох, что повлияло на их первичную культурно-хронологическую идентификацию в рамках эпохи ранних кочевников. На современном этапе становится более очевидным, что от этой версии следует отказаться. Полученные в последнее десятилетие данные радиоуглеродного анализа, в сочетании с типологическими датировками предметного комплекса позволяют относить курганы с «усами» к V–VII вв. н. э. Вместе с немногочисленными погребальными комплексами (Боровое, Кара-Агач, Канатгас и др.), они составляют культурно-хронологический горизонт, сменивший в конце IV – начале V вв. гунно-сарматский. Примерно ко второй половине VII в. относится финал традиций курганов с «усами», связанный с перемещением новых групп населения с востока.

СЕРГЕЙ Г. БОТАЛОВ

Новые материалы исследований погребального комплекса Уелги

SZERGEJ G. BOTALOV

Az Ujelgi temető legfrissebb feltárásának leletanyaga

В статье и докладе представлены новые результаты исследований погребального комплекса Уелги (Кунашакский район, Челябинская область). Новые данные позволяют уточнить культурные компоненты и хронологические рамки функционирования могильника. В 2015 году начато исследование кургана 10, который показал наиболее ранний материал (IX в.). Оригинальным и редким проявлением

погребальных традиций оказалось захоронение взызданного коня, совершенное между полами курганами 9 и 32, также показавшее ранний уздечный набор (IX в.). Несколько поздним временем (примерно X в.) датируется впущенное в насыпь кургана 9 женское захоронение с роскошным налобным украшением.

АРМАН А. БИСЕМБАЕВ

К вопросу о древневенгерских памятниках в Западном Казахстане

ARMAN A. BISZEMBAJEV

A Nyugat-Kazahsztán területéről ismert ősmagyar leletek kérdéséhez

В данной статье рассматриваются древневенгерские памятники крупного региона Республики Казахстан – запада, граничащего с территорией Южного Приуралья Российской Федерации. Природно-географические условия большого региона являются детерминирующим фактором размещения памятников кочевого населения в раннем средневековье, в последние века I тыс. н.э. Сложившаяся на рубеже поздней бронзы – раннего железного века пастбищно-кочевая система продолжала функционировать позднее. Определенные коррективы в аспекты существования памятников того или иного населения вносили политические события яркого и динамичного периода VIII–XI вв., огузо-печенежского времени в истории Урало-Казахстанских степей.

В Областной историко-краеведческий музей г.Актобе различными путями, начиная с конца прошлого века стали поступать находки металлических предметов – элементы наборных поясов и конской сбруи, аналогии которым обнаруживаются гораздо севернее – в бассейнах Камы, Уфы, Белой, в Зауралье и Западной Сибири. Такие комплексы как Песчаный карьер, Караой, Курман, Эмба, Тортоба позволяют, по новому, взглянуть на ситуацию в регионе, с позиций признания существования в Западном Казахстане значительных групп древневенгерского населения. Богато украшенные бляшки пояса и сбруи, украшения, керамика являются отражением этнополитических событий в регионе до момента перемещения мадьярских групп в Паннонию.

Противостояние огузов и печенегов в борьбе за степи Западного Казахстана не обошлось без участия кочевых венгерских родов, входивших, вероятно, в древнебашкирские образования, являвшиеся, в свою очередь частью печенежского союза племен, длительное время, до конца IX века, обитавшие на территории региона, постепенно смещаясь на запад.

Весьма отчетливые, явные параллели с памятниками угорского (древневенгерского) мира позволяют говорить о присутствии в раннем средневековье в локальных географических микрорайонах большого западного региона Казахстана – Уило-Кобдинском, Темиро-Эмбенском, Илекском значительных групп древневенгерского населения, что в свою очередь, коррелируется с гипотезами о прародине венгров в Южном Приуралье и Западной Сибири. Таким образом, вполне реально рассматривать Западный Казахстан, как район пребывания кочевых групп древних венгров и формирования одной из составных частей древневенгерского этноса, до переселения на берега Дуная в конце IX в.

ЛЮДМИЛА А. КРАЕВА – ИРИНА В. МАТЮШКО
Памятники VII–XI вв. в Степном Приуралье

LJUDMILA A. KRAJEVA – IRINA V. MATJUSKO
A füves sztyepp 7–11. századi leletanyaga az Urál nyugati előterében

В статье рассматриваются древневенгерские комплексы, изученные в центральном Оренбуржье. Результаты анализа керамики на основе бинокулярной микроскопии и экспериментальной работы по методике А.А. Бобринского выявили схожие признаки с сосудами кушнаренковской и караякуповской культур. Также были описаны древневенгерские погребения во II курганном могильнике Имангулово. По мнению исследователей, переселение на Балканы проходило через степи Приуралья.

В статье рассматриваются типологические особенности погребений печенегов. Для них были характерны земляные курганы, жертвоприношение лошади, богато украшенные уздечные и поясные наборы, удила без перегиба и глиняная посуда. Материалы памятников степного Приуралья позволяют выделить в среде печенегов рядовых общинников и воинов-профессионалов.

АНДРЕЙ М. БЕЛАВИН – НАТАЛЬЯ Б. КРЫЛАСОВА
Поясные сумочки из мужских средневековых погребений Предуралья

ANDREJ M. BELAVIN – NATALJA B. KRILASZOVA
Tarsolyleletek az Urál nyugati előterének középkori férfi temetkezéseiből

Поясные сумочки, как вместители для различных необходимых «под рукой» мелких вещей, появились очень рано, еще в эпоху бронзы. Но только в период средневековья они стали не просто утилитарным предметом, но выразительным и престижным элементом костюма, который носили напоказ и украшали декоративной отделкой. Как отмечают историки костюма, в Европе мода на такие сумочки возникла в XII в., с этого же времени они приобрели популярность на Руси.

Но значительно раньше, в период IX–XI вв., на обширных пространствах от Предуралья до Венгрии и Скандинавии распространилась мода на поясные сумочки/кошельки лировидной формы с металлической отделкой. Наиболее представительная коллекция подобных сумочек собрана в венгерских могильниках периода обретения Родины, здесь же они достигли вершины декоративного убранства в виде украшения металлической (чаще серебряной) лицевой пластиной, нередко покрытой орнаментом и позолотой. Поэтому не удивительно, что при атрибуции находок подобных предметов многие исследователи обращаются именно к венгерским аналогиям.

Однако возникновение кожаных поясных сумочек, окантованных мелкими металлическими обоймочками или пластинами, относится к периоду, когда венгры еще находились на своей уральской прародине. Как отмечал Е.П. Казаков, это произошло в конце IX в. в регионе между Волгой и Уралом, и отсюда с переселенцами мода на сумочки проникла в Паннонию. Сейчас уже не вызывает сомнения, что территорией возникновения этой моды были Пермский край (ломоватовская культура) и Удмуртия (поломская культура). Оттуда она была привнесена в Волжскую Булгарию, наибольшее количество поясных сумочек здесь представлено в Танкевском могильнике, где значительное количество захоронений связывается с носителями ломоватовской культуры, влившихся в состав формирующейся бугарской народности. И

далее, очевидно уже с болгарскими купцами, началось распространение сумочек по Волжскому торговому пути – на территорию современных Марийской и Мордовской республик и далее вплоть до Скандинавии. Следует отметить, что распространение этой моды происходило исключительно в финно-угорской среде.

К настоящему времени существует множество публикаций этих материалов, из которых следует, что распространялись не только готовые изделия болгарских ремесленников, а именно сама мода, которая побуждала к изготовлению подобных изделий на месте, тем более что технологически это было не сложно.

Однако остается несколько неразрешенных вопросов, которые требуют дальнейшего изучения. Во-первых, это касается лицевых пластин сумочек, находки которых, кроме Венгрии, известны в Пермском крае, Марийской республике и в Швеции (Бирка). Одна из пластин, найденных в Пермском крае, безусловно, произведена на месте – об этом свидетельствует технология изготовления, местный сюжет и своеобразный «уральский канон» изображения. Возможно, это дает основание предполагать, что и лицевые пластины первоначально возникли в Прикамье. Но все остальные лицевые пластины явно имеют венгерское происхождение. В связи с этим возникает вопрос – каким образом осуществлялись связи венгров со своей отдаленной прародиной? Во вторых, остается не изученным вопрос, распространялись ли сумочки самостоятельно, или они являлись неотъемлемой частью наборных поясов, которые, собственно, и являлись основным предметом торговли? Требуется комплексное изучение поясных наборов на обширной территории, которое частично уже начато, включая и поясные сумочки, что позволит, в частности, решить и вопрос о том, какие из них были продукцией болгарских мастерских, а какие имели местное происхождение.

Юлия А. ПОДОСЁНОВА

Древневенгерские изделия из серебра на территории Пермского Предуралья

JULIA A. PODOSZJONOVA

Magyar típusú ezüstitárgyak az Urál nyugati előterének permi régiójából

В настоящее время концепция восточной, Урало-Сибирской прародины древних венгров практически является общепризнанной концепцией как российскими, так и венгерскими учеными. Ученые отмечают особую роль древнего населения Предуралья в процессе сложения угров-мадьяр и в функционировании так называемой Magna Hungaria. Учеными установлены археологические признаки древнемадьярской культуры в Восточной Европе, ареал их распространения, намечен путь проникновения этих признаков в Карпато-Дунайский бассейн. Среди таких признаков, на основании приведения аналогий изделиям, их картографирования и статистического анализа, были выделены и собственно древневенгерские вещи - это лицевые накладки поясных кошельков, поясные серебряные наборы, сабли, сосуды «венгерского» происхождения. Данные предметы встречаются и в археологических памятниках Пермского Предуралья IX–XII вв. В докладе представлены результаты комплексного исследования изделий древневенгерского происхождения с территории Пермского Предуралья IX–XII вв. с применением современных естественнонаучных методов. Представлены основные технологические модели изготовления изделий. Сравнение полученных данных с аналогичными результатами исследования древневенгерских изделий с других

территорий, позволит выделить универсальные технологические модели, определить уровень их преемственности и, возможно, по-новому взглянуть на проблемы древних мадьяр.

СВЕТЛАНА И. ВАЛИУЛИНА – АНДРЕЙ В. ПЯТАЕВ – ЕЛЕНА В. ВОРОНИНА – АННА Г. ИВАНОВА
Больше-Тиганский могильник в контексте древностей 8–10 вв. на территории Татарстана:
современное состояние исследований, новые методы и подходы

SZVETLANA I. VALIULINA – ANDREJ V. PJATAJEV – JELENA E. VORONYINA – ANNA G. IVANOVA
A Bolsie Tyigani temető Tatár föld 8–10. századi régészeti hagyatékának kontextusában: a kutatás
jelenlegi állása, új módszerek és következtetések

Больше – Тиганский могильник с момента его открытия явился научной сенсацией и получил стремительную известность в силу богатства материалов, а также благодаря оперативной и тщательной их публикации Е.А. Халиковой. Острая полемика, об этнокультурной принадлежности и хронологии памятника, которая развернулась с появлением первых статей – еще одно подтверждение научной значимости открытого в 1974 г. могильника. За последние 40 с лишним лет материалы Больше – Тиганского могильника не утратили своего высокого статуса не только в системе древностей 8–10 вв. Волго-Камья, но и в международном масштабе – памятник остается самым крупным могильником протовенгров-угров на Востоке Европы.

Больше Тиганский могильник выступает очень устойчивым, или «самодостаточным» этнокультурным комплексом, который демонстрирует минимальное присутствие «чужих» вещей, как отражение слабой вовлеченности населения, оставившего его, в процессы межкультурного взаимодействия в регионе. Этот факт противоречит процессу консолидации населения Волго-Камья, который должен был идти в период сложения государства Волжская Булгария на рубеже 9–10 вв. В полной мере это взаимодействие представляет более поздний Танкеевский могильник. Таким образом, Больше Тиганский могильник отодвигает время сложения государства от рубежа 9–10 вв. и время основания Билярского городища, расположенного в 25 км от могильника. Т.е., даже при нынешней степени изученности, памятник имеет реперный характер в контексте древностей Волго-Камья.

Одной из основных проблем атрибуции материалов могильника, как и других памятников его круга, является проблема определения производственной базы, обеспечившей богатство материальной культуры кочевников-протовенгров. Высокий уровень исполнения художественных изделий указывает на городской характер ремесла. В тоже время, исследования погребального инвентаря лишь на основе морфологических признаков не позволяют осуществить проекцию этого материала на конкретный ремесленный центр (центры). Серии анализов стеклянных украшений, текстиля, серебряных изделий, керамики естественнонаучными методами (рентгено-флуоресцентный анализ, химический «мокрый» анализ, сканирующая электронная микроскопия и мессбауэровская спектроскопия), показали перспективность такого направления поиска с учетом комплексного подхода, как в подборе вещевых категорий, так и в используемых методиках, сочетающих взаимодополняющие анализы репрезентативных серий.

ДМИТРИЙ А. СТАШЕНКОВ

О некоторых вопросах, связанных с выделением памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье

DMITRIJ A. SZTASENKOV

A magyarokhoz köthető leletkör elkülönítésének néhány kérdéséről a Volga szamarai térségében

Самарское Поволжье является одним из самых западных районов Волго-Уралья, где выделена серия комплексов мадьярского круга. Принципиально важно то, что представлены они не только погребальными памятниками, но и поселениями.

При изучении указанных комплексов исследователи сталкиваются с необходимостью решения ряда вопросов, связанных с атрибуцией и историко-культурной интерпретацией полученных материалов.

В докладе на материалах памятников Самарского Поволжья (Пролетарское городище, селище Власть Труда, погребения Немчанское, Марычевские, Палимовское, Лебяжинское, на 116 и 23 км г. Самары и др.) рассматриваются следующие вопросы:

- о критериях выделения памятников мадьярского круга в Среднем Поволжье;
- о датировке выделенных комплексов на многослойных поселенческих памятниках;
- об исходных районах миграции мадьярских племен в Поволжье;
- о причинах появления памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье и их кажущейся дискретности;
- об этапах освоения Самарского региона племенами мадьярского круга и характере их взаимоотношения с соседями в различные хронологические периоды.

В заключении делается вывод о том, что территория Самарского Поволжья входила в зону кочевых маршрутов мадьярских племен на протяжении длительного времени – с 5 по 9 вв. н.э. Анализируются археологические материалы, которые могут свидетельствовать о пребывании мадьярского населения в Самарском Поволжье в предмонгольского время.

АННА Ф. КОЧКИНА

Еще раз о керамике прикамско-приуральских истоков у волжских болгар (по поводу дискуссии об этнокультурной принадлежности)

ANNA F. KOCSKINA

Még egyszer a volgai bolgár kerámia Káma menti és Urál nyugati előteréből származó elemeiről (az etnikai meghatározásról folyó vita fényében)

Многолетние исследования традиционных групп керамики Волжской Болгарии X–начала XIII в., итоги которых в определенной степени были подведены в работе Т.А. Хлебниковой (Хлебникова Т.А. 1984), вселяли надежду, что в проблему формирования этой керамики внесена ясность. Это в полной мере относилось к лепной керамике, которая по своему происхождению связана с носителями прикамско-приуральских археологических культур.

В исследованиях последних двух десятилетий в контексте мадьярской проблемы (шире угорской) вновь были подняты вопросы об этнокультурных истоках традиционных групп керамики у волжских болгар, в частности, с гребенчато-шнуровой орнаментацией (VII группы по типологии Т.А. Хлебниковой). Р.Д. Голдина в остро дискуссионной статье (Голдина Р.Д. 2013) в связи с рядом концептуальных публикаций по данной теме показала, что некоторые выводы об этнической атрибуции культур с гребенчато-шнуровой керамикой декларативны и необоснованны.

При попытке разобраться в переплетениях эволюционных линий средневековой керамики культур Прикамья и Приуралья, предлагаемых авторами обобщающих исследований, имеется риск зайти в тупик. Аналогичное мнение по поводу выделения «постпетрогромской культуры» высказал Ф.Ш. Хузин (Хузин Ф.Ш. 2007).

Исследование технологии изготовления керамики Волжской Болгарии с учетом групп, выделенных Т.А. Хлебниковой, было предпринято И.Н. Васильевой (Васильева И.Н. 1993), выявлены уровни сформированности технологических традиций изготовления разных групп керамики, что нельзя не принимать во внимание для определения этнокультурных истоков населения, производившего ту или иную керамику.

В докладе на материалах болгарских памятников домонгольского периода – Муромский городок (Самарское Поволжье), Красносундюковское I городище (Ульяновское Поволжье) – приводится характеристика керамики прикамско-приуральских истоков в рамках традиций болгарского гончарства, а также уточняются возможности использования ее как источника для обсуждения проблем состава населения Волжской Болгарии.

МИХАИЛ В. ЦЫБИН

Среднее Подонье в IX–X вв. (Археологический контекст воробьевского погребения)

MIHAIL V. CIBIN

A Don középső folyásának vidéke a 9–10. században (A vorobjevoi sír régészeti kontextusa)

В 1895 году у слободы Воробьевки Богучарского уезда Воронежской губернии в карьере, использовавшемся для строительства железной дороги, было обнаружено погребение человека, сопровождавшееся костями лошади.

В погребении находился разнообразный инвентарь. В архиве Института истории материальной культуры РАН сохранилось письмо воронежского губернатора от 29 мая 1895 г. в Императорскую археологическую комиссию, содержащее перечень вещей, найденных в погребении. В архивном деле находятся и их фотографии. В 1897 г. вещи Воробьевского погребения поступили на хранение в Императорский Российский исторический музей (сейчас - Государственный исторический музей). В настоящее время они экспонируются в этом музее.

Это погребение с начала XX в. постоянно упоминается в работах исследователей по проблеме поиска прародины венгров. Для интерпретации Воробьевского погребения рассматривается его археологический контекст.

Приводятся находки вещей мадьярского круга в Среднем Подонье, выделяются памятники славянской боршевской культуры и салтово-маяцкой культуры, которые могли быть синхронны Воробьевскому погребению. Оценивается перспектива выявления памятников, аналогичных рассматриваемому погребению.

НИКОЛАЙ П. ТЕЛЬНОВ

К вопросу о присутствии венгров в IX. веке в Нижнем Поднестровье

NYIKOLAJ P. TYELNOV

A Dnyeszter alsó folyása menti 9. századi magyar jelenlét kérdéséhez

Исходя из имеющихся сообщений письменных источников, можно заключить, что Нижнее Поднестровье в IX в. входило в регион проживания венгров перед их переселением на свою новую родину в Среднее Подунавье. Но, все эти известия были

общего характера и их не хватало для конкретизации вопросов, связанных с присутствием венгров в этой местности. Новых письменных источников не прибавлялось, а археологические отсутствовали. Но, именно археологические источники могут подтвердить или уточнить письменные и представить новые материалы, позволяющие судить о различных аспектах жизни древних обществ.

В этом плане особую актуальность приобретают материалы Слободзейского могильника. Он имеет как общие черты с ямными болгарскими могильниками, так и некоторое своеобразие, которое позволило исследователям отнести его к памятникам типа Субботцев.

Наличие в материалах могильника восточнославянской керамики типа Луки-Райковецкой и анализ ситуации, сложившейся в регионе в IX в., позволяют сделать выводы о тесных связях жителей, оставивших этот могильник с восточными славянами, которые проживали буквально рядом, на противоположном берегу Днестра.

Анализируя различные источники, венгерские ученые полагали, что у древних венгров были контакты с аланами. Одни считали, что это могло происходить на Северном Кавказе. Другие в ареале салтово-маяцкой культуры. Анализ письменных источников и новые археологические материалы позволяют уверенно считать, что аланы в древности проживали и в рассматриваемом регионе, и именно в IX в. здесь у венгров могли происходить тесные контакты с аланами.

Таким образом, если исходить из того, что памятники Субботцевского типа принадлежат венграм, то Нижнее Поднестровье является тем регионом, где венгры вступали в самые тесные связи как со славянами, так и с аланами перед переселением на свою новую родину.

СВЕТЛАНА С. РЯБЦЕВА – РОМАН А. РАБИНОВИЧ

О выделении древностей венгерского круга на территории Карпато-Днестровских земель

SZVETLANA SZ. RYABCEVA – ROMAN A. RABINOVICS

A magyar leletkör elkülönítésének lehetőségéről a Dnyeszter és a Kárpátok közötti terület régészeti hagyatékában

На основании анализа письменных источников мы ставим вопрос о существенной роли венгров в истории Карпато-Днестровских земель в период IX–X вв. С 30-х гг. IX в. по 30-е гг. X в., а, особенно с конца IX в., венгры могли оказывать влияние политического характера на Карпато-Днестровский регион. Вероятно, эта территория входила в Ателькузу – место пребывания мадьярских племен накануне обретения родины. Этот факт оказал существенное влияние на взаимоотношения местного населения с соседями – Дунайской Болгарией и Киевской Русью. Венгерский фактор сыграл, вероятно, решающую роль в том, что местные племена уличи и тиверцы оказались подчиненными Киевской Руси не ранее середины – конца 30-х гг. X в., хотя попытки овладеть их территорией со стороны Киева предпринимались еще в 885 г. В то же время, на рассматриваемой территории практически отсутствуют вещи североевропейского круга. По всей видимости, венгры задержали приход в Карпато-Днестровские земли Руси и тем самым изолировали местное население и местные древности от скандинавского влияния.

В плане поиска артефактов, связанных с венгерским присутствием, наиболее показательны находки каплевидных подвесок и круглых накладок, которые могут быть

непосредственно связаны с декором венгерского костюма (Ханска, Тарасова, Орхей, Дзешть). На поселении у села Тарасова была найдена и поясная бляшка листовидной формы, по характеру декора полностью вписывающаяся в круг венгерских древностей. Столь же характерная пальметта представлена в декоре наконечника ножен сабли городища Екимауцы. Пояс из Слободзейского кургана принадлежал, по всей видимости, именно венгру, захороненному в IX веке в Приднестровской степи по дороге на новую родину. Среди находок в Карпато-Днестровском регионе, которые могут быть представлены, *в том числе и у венгров*, мы выделяем целый ряд предметов. К ним относятся поясные наборы из Бедражей и Екимауц, рамчатые пряжки, отдельные предметы ременной и сумочной гарнитуры с Екимауц и из Хански, имеющие широкий круг аналогов в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе. Венгерские аналогии имеют некоторые предметы вооружения (стрелы из Екимауц и Алчедара и детали сабель из Екимауц) и зооморфная накладка из Ханска. В древностях различных групп населения, в том числе и венгров, представлены пуговицы-бубенчики, «салтовские» перстни и серьги, раковины каури. Украшения с зернью (серьги «волынського» типа, перстни, пуговицы, лунницы), представленные в регионе, сами по себе не являются показателями венгерского присутствия. Однако, их специфическое сочетание с дровыми и витыми браслетами и витыми гривнами (представленное на Екимауц), характерно для памятников культуры Биело Брдо. Возможно, с венгерской традицией связан и фрагмент горшка с миниатюрной ручкой, происходящий из Германарие.

Таким образом, с территории Карпато-Днестровских земель происходит целый ряд предметов, которые могут свидетельствовать как непосредственно о венгерском присутствии, так и о распространении специфической дружинной культуры, на сложение набора престижных артефактов которой оказывала влияние венгерская традиция.

ИГОРЬ А. ПРОХНЕНКО

Середньовічні городища Закарпаття в аспекті описаного Анонімом угро-слов'янського конфлікту

IGOR A. PROHNENKO

Kárpátalja középkori földvárjai az Anonymus által leírt magyar-szláv konfliktus tükrében

На основі повідомлень середньовічних авторів в історіографії закріпилася теза про рух кочових племен “чорних угрів” наприкінці IX ст. н.е. повз Київ, потім через Волинь та Галичину до Верецького перевалу, подолавши який вони опинилися у Карпато – Дунайському ареалі. Згідно автора “Gesta Hungarorum” захоплення території сучасного Закарпаття проходило доволі бурхливо при незначних, але вдалих для угорців зіткненнях, в ході яких були взяті Ужгородський і Боржавський замки-гради. Але, про правдивість свідчень Аноніма і реалії описаного ним військового конфлікту можна говорити тільки після розгляду матеріалів згаданих в хроніці городищ.

Інформація про існування укріпленого пункту зламу I–II тис. н.е. в Ужгороді недостовірна. Без належної аргументації як слов'янське городище IX–X ст. класифікується територія замкової гори міста, де культурні прошарки перемішані, а час зведення фортифікацій взагалі не встановлений. Найбільш ранні хроноіндикатори

дозволяють говорити, що на замковій горі в м. Ужгород не було укріплень, тим паче центру князівства, який би могли захопити угри на зламі IX–X ст. н.е.

Припускається можливість місцезнаходження городища Унг, щоправда теж без належної доказової бази, в Горянах. Але і тут встановлена відсутність горизонту IX ст. н.е. і фортифікаційних споруд взагалі. Відповідно, і в Горянах не було знайдено даних, які б свідчили про можливість угорського штурму.

Друге згадане Анонімом городище (Боржавське), на відміну від Унгу, локалізоване точно. Але, стратиграфія валу дозволила говорити про зведення укріплень Вар у XI ст. н.е., що також закрило питання ототожнення пам'ятки з центром слов'янського князівства VIII–IX ст. н.е. Відповідно, спростована інформація Аноніма про знищення городища угорцями в 903 р. н.е.

Окремі дослідники вважають, що, крім наведених вище, в хроніці згадується ще один адміністративний центр слов'ян – Угоча (Виноградівський замок). Аналіз матеріалів став основою для твердження, що ця пам'ятка не існувала в період описаного Анонімом проникнення угрів і тому помилково занесена до пунктів, зведених слов'янами для оборони від кочівників.

Пошук хоч якихось центрів опору уграм призвів до життя цілої низки “городищ” Закарпаття IX ст. н.е. Однак, ці місцезнаходження взагалі не мають фортифікаційних споруд і культурного шару. Прикладом можуть бути Данілово, Олександрівка, Дулово.

Отже, із-за відсутності конкретних підтверджених фактів можемо впевнено віднести до вигадок нотарія Бейли III існування князівства Лаборця і бої між угорцями і слов'янськими дружинами в північно – східній частині Верхнього Потисся з метою захоплення місцевих городищ.

ДМИТРИЙ С. КОРОБОВ

Аш-тигоры на пути к государственности – эволюция системы расселения
северокавказских алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э.

DMITRIJ SZ. KOROBOW

Az As-tigorok az államiság útján – Az észak-kaukázusi alánok települési rendszerének
fejlődéstörténete a Kiszlovodszki-medencében a Kr.u. I. évezredben

The early medieval tribes associated with the Alans settled the entire territory of the Kislovodsk basin in the early 5th c. AD and stayed there until the mid-8th century. Early medieval sites here are usually small (up to 0.5 ha) fortified settlements at the edges of rocky promontories adjoined by level areas of fertile land followed by slopes of low hills. The latter were frequently used for catacomb burials. There are also some unfortified settlements that show traces of habitation, i.e. ruins of stone buildings on the surface.

The GIS analysis allowed calculating the spatial cells of the territory, providing an estimate of the area of potential tillage and pasture plots for each of the first-millennium settlements in the microregion. According to obtained results the majority of the settlements could have been created by rather small groups of population, around 30-50 people, with possible live stock of up to 100 cows. These calculations are substantiated by the number of dwellings visible on the ground surface of the sites as stone ruins.

Thus, the majority of settlements from that period were small patronymic villages, inhabited by family clans comprising one - five families and located inside the resource zones that could provide sufficient food for the clan. This situation indicates a dispersed model of

settlement, which implies a high degree of autonomy for social communities and, consequently, a low level of hierarchy and social development.

Thus, in the Early Middle Ages the Kislovodsk basin must have been a typical tribal “kingdom” like the ones in Northern Europe, and some written sources connect it with the Ash-Tigors, an Alanic tribal formation. This has been established through comparing the analysis of the 7th c. Armenian Geography (“Ashkharatsuyts”) with the map of 5th – 8th cc. catacomb cemeteries in the Northern Caucasus and the results of analyzing the specifics of the funeral rite, which allow identifying the Alanic population of the Kislovodsk basin as a special tribal group. The logic of its development led it to more complex social structure and larger settlement structures.

However, the process of development of the Early Medieval Alanic society in the Kislovodsk basin came to a halt in the middle of the 8th c., when Alanic sites disappeared from the region for about 150 – 200 years. Most probably, the population of the basin moved 1000 km to the North to build, together with other people from the Northern Caucasus, a chain of Khazar Khaganate frontier settlements on the territory of the forest-steppe variant of the Saltovo-Mayatsk culture. The population that returned to the basin in the 10th c. was already at another stage of social development: in the 8th – 9th cc. it had been an integral part of the largest Medieval state formation in Eastern Europe. This was a new stage in the settling of the Kislovodsk basin, during which five large settlement centers appeared (Ullu-Dorbunla, Rim-Gora, Ukazatel, Koltso-Gora and Dolina Ocharovaniya). They are large in size (10 to 130 ha) and are accompanied by extensive cemeteries consisting of catacombs and other burial structures. Thus it is clear that in the 10th–12th cc. the Kislovodsk basin has come to the nucleated settlement system with large settlement centers that resembled medieval towns in size and functionality. This shows the gradual emergence of Medieval Alania as a state formation, and the gradual incoming of Christianity, the center of which appears to have been located to the west of the Kislovodsk basin in the upper reaches of the Kuban river.

АСАН И. ТОРГОЕВ

Венгерский след на Северном Кавказе? (По материалам коллекции Фонда Марджани)

ASZAN I. TORGOJEV

A magyarok nyomai a Kaukázus északi előterében? (Leletek a Mardzsani-gyűjteményből)

На Северный Кавказ, как один из пунктов связанных с миграцией венгров на пути к обретению Родины, внимание было обращено давно. Однако реальных материалов, которые бы находили сходство с материалами в самой Венгрии практически не было известно. В начале XXI в. Россию захлестнула волна грабительских раскопок памятников. Одними из наиболее пострадавших от грабителей регионом стали Краснодарский край, Карачаево-Черкессия и Адыгея. Часть награбленных ценностей была продана за границу, часть же осела в музеях и частных коллекциях России. В фонде Марджани хранится коллекция ременных гарнитур и украшений, которая происходит из района станицы Баракаевская на р. Губс в Мостовском районе Краснодарского края.

Наличие средневековых памятников в этом районе было известно археологам, но целенаправленные раскопки не производились, а сами памятники ныне по большинству оказались уничтоженными грабителями. Из разграбленных могильников, обряд погребения которых доподлинно установить уже невозможно, происходит значительная коллекция ременных гарнитур. Состав комплектов поясов в них установить также уже практически невозможно, но на основании стилевой близости в

этой коллекции удастся выделить три стиливых группы металлических деталей поясов, которые могут сочетаться в наборах, происхождение которых из одного комплекса практически неоспоримо. Первая группа характеризуется поясами салтовской традиции, вторая группа явно имеет аланские корни, а третья, довольно большая по количеству вещей, соотносима с древностями венгров эпохи обретения Родины. Орнаментация ряда изделий имеет прямые аналогии в могильниках Потисья и Подунавья, вплоть до полного совпадения. Наряду с деталями ременных гарнитур из Баракевской и прилегающих районов Карачаев-Черкессии и Адыгеи происходит ряд сабель, орнамент которых очень близок орнаменту венгров, а также обкладки седла, имеющие аналогии только в венгерских древностях. Таким образом, вполне вероятно, что какая-то часть венгров во второй половине IX-первой половине X в. могла какое-то время находиться на Северном Кавказе.

НАТАЛЬЯ В. ХАМАЙКО

Между Венгрией и Востоком: "ориентальные" мотивы в древнерусской торевтике X – начала XI в.

NATALIA V. HAMAJKO

Magyarország és a Kelet között: az órosz tereutika keleti elemei a 10. században és a 11. század elején

Сходство стилистики художественного оформления отдельных предметов из древнерусских и венгерских погребений X в. давно привлекает внимание исследователей. Первым его отметил Йожеф Хампель на примере оковки одного из турьих рогов из Чёрной могилы в Чернигове, а также декора рукояти из камерного погребения в Киеве на ул. Рейтарской. Туре Арне привлёк более широкий круг аналогий, включающий также материалы из Скандинавии и Поволжья. Дальнейшие наблюдения и сравнения систематизировали Нандор Феттих, Дюла Ласло, Иштван Эрдейи, Иштван Фодор, Чанад Балинт, Руслан Орлов. В зависимости от задач своих исследований к теме многократно обращались в различных контекстах и другие археологи. Их подходы можно сгруппировать в три основные историографические линии.

Первая линия рассматривала факты наличия сходных элементов в культуре Венгрии и Руси через призму «Этелькёза» – промежуточного места проживания древних венгров в Поднепровье перед их переселением в Карпатскую котловину, считая такие предметы из древнерусских комплексов отражением контактов с венграми в IX в. или даже прямым свидетельством проживания последних в Киеве и Чернигове.

Вторая линия подразумевает более широкий территориально контекст культурного обмена, охватывавший в X в. практически всю Восточную и Северную Европу, и связанный с маршрутами торговли арабскими дирхемами, на которых постепенно сформировалась синкретическая мода. Основой такой моды в каждом из регионов была обычно местная составляющая, но обязательно включались и элементы из других регионов, часто переносимые на значительные расстояния. Контекст такой модели предполагает прямое взаимное древнерусско-венгерское влияние в X в.

Третья линия, наоборот, подразумевает независимое возникновение близких стилей в различных регионах под влиянием одного общего мощного источника – «постсасанидской» восточной торевтики.

